

Сказання о Кудым-Оше и Пере-Охотнике

Сказання
о Кудым-Оше
и Пере-Охотнике

Алексей Домнин

С к а з а н и я
о КУДЫМ-ОШЕ
и ПЕРЕ-ОХОТНИКЕ

По мотивам
коми-пермяцких
преданий

Пермское книжное издательство
1990

ББК 82.3(2)
Д66

Художник
В. Оньков

Предисловие
И. Зырянова

Д $\frac{4702010202-47}{M152(03)-90}$ Без объявл.

ISBN 5-7625-0030-6

- © Оформление,
Пермское книжное
издательство, 1990
© А. Домнин, 1990
© И. Зырянов, 1990

Народная память сохранила для нас прекрасные сказки и чудесные предания, возникшие в глубокой древности. В них поэтическое воплощение чаяний и ожиданий народных, мечта о человеке-богатыре, который покоряет природу, охраняет землю и свой народ от врагов. Во времена жесточайшего гнета, в пору нищеты и бесправия трудовое крестьянство не теряло веры в бессмертие лучших человеческих качеств, оно противопоставляло темной действительности светлую мечту о сильном человеке, в котором мы видим обобщенные черты национального героя.

Русские героические былины рисуют образ крестьянского богатыря Ильи Муромца. Коми-пермяцкий народ поэтически воплотил свою историю в деяния и подвиги Кудым-Оша и Перы-богатыря. Чтобы сделать непрерывным многовековой путь жизни, чтобы сохранить связь времен, в народных преданиях Кудым-Ош и Пера ставятся чуть ли не в родственные отношения. Но Кудым-Ош жил в древнюю эпоху, может, за тысячу лет до нас, он один из первых родоплеменных вождей, стремившийся к объединению людей пармы под своим тотемом. Тотем — это животное,

растение, предмет, которые род считает своим покровителем. У рода Кудым-Оша тотемом был Ош — медведь. Предания о Кудым-Оше очень смутны и отрывочны. И писатель, который хочет рассказать о нем, должен прибегать к вымыслу, к фантазии, по-своему заполнять не освещенные в преданиях моменты его «биографии».

А Пера — совсем мужицкий. Его подвиги, начавшиеся в языческие времена (победа над лешим, водяным), обрываются в эпоху борьбы крестьянства против крепостничества, против злейших феодалов в нашем крае — Строгановых.

Долгая и завидная судьба у народных героев. Богатыри не умирают. Они могут заснуть, могут уйти в камни, в горы, охраняя земные клады, завещая трудовому народу богатства, принадлежащие каждому человеку в равной доле. Народная фантазия в любой момент может вдохнуть в этих богатырей жизнь.

Алексей Домнин предполагал: существовали когда-то у коми-пермяцкого народа эпические песни, наподобие русских былин или карельской «Калевалы». Это убеждение побудило его объединить предания в циклы, представить

их поэмами. Писатель изучил не только опубликованные материалы по коми-пермяцкому фольклору, но и записи преданий, сделанные фольклористами Прикамья. Он имел возможность познакомиться с особенно ценными текстами преданий, записанными коми-пермяцким писателем В. В. Климовым. Такая опора на устно-поэтические традиции увеличивает ценность сказаний. Но в то же время это не стихотворное переложение преданий, а творческое осмысление их.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

СКАЗАНИЕ О КУДЫМ-ОШЕ

1

а широких крыльях песни
Унесу вас в край преданий,
Пусть слова мои, как зерна,
В вашем сердце прорастают.
Есть запев у древних песен.
Есть начало у народа.
Сероглазые чудины *
Жили в парме * в давний
век.

Слепы низкие землянки,
Но леса вокруг
просторны,
И сладка еще живая
Печень лося молодого.
Солнце им тепло дарило,
Птицы вести приносили,
И костер горячей пляской
Духов ночи отгонял.

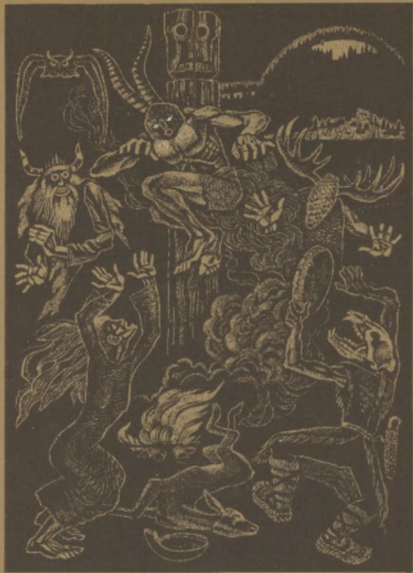
Как велел обычай предков,
Так и жили-бедовали.
Человека гасит старость.
И когда о дряхлом старце
Смерть в заботах
забывала,
Тайной тропкой уходил он,
Рыл в глухой горе пещеру
И себя в ней хоронил.

Юный Ош в родном
увтыре *,
Как земля порой весенней,
Спелой силой наливался.
Дан был Ошу зоркий разум,
Мог он видеть тени мертвых.
Мог догнать стрелу в полете
И с медведем разъяренным
В жмурки весело играл.

Мать его —
Ведунья Пэвсин —
Сны разгадывать умела,
Знала, где ночует Ойпель —
Бог лесов и рек студеных,
И могла заклятьем тайным
Ослепить пришельца злого,
Зверя вывести к ловушке,
Сделать хрупким меч врага.

А шаманка рода —
Чикыш —
С хитрым духом Сюра-Пелей
На горе шепталась в полночь,
Колдовством она умела
Воскрешать людей убитых
И, сухого мухомора
Накурившись, била в бубен,
Отгоняя хворь и зло.

Новый пам увтыру нужен.
И назвали старцы Оша
У костра совета памом.
Поднесли ему с почетом
Посох — знак вождя
и власти,
Пояс в медных украшеньях,
И со всеми поклонилась
Пэвсин сыну до земли.

Знает волк оленьи тропы,
Знает враг, где есть
пожива.

А чудское городище,
Как гнездо среди равнины,
Девяти ветрам открыто.
Чаще недруги-соседи
Из засады нападают,
Таёт племя день за днем.

Он зажег костер совета:
— Потому теснит нас враг,
Что от нас далеко боги.
На горе, где их жилище,
Надо вырыть нам землянку,
Обнести заплотом крепким —
Как птенцов своих тетерка,
Ойпель станет нас
Хранить.

У людей от дерзкой речи
Языки к зубам прилипли,
Приутихла речка Иньва,
Ожидая гнева духов.
— Пусть у тех отсохнут руки,—
Грозно вымолвила Чикыш,—
Кто пойдет к горе священной
И земли нарушит сон!

Первым Ош взошел на кручу,
Указал, где ставить крепость
Из сосновых желтых бревен...
Время дерево источит,
Не иссякнут реки жизни.
Так с бревна, с землянки первой
Началась столица края,
Город Оша — Кудым-кар.

Говорит ведунья паму:
— Ты хитер, как старый
филин,

Но мои слова запомни:
Коль сосватаешь невесту,
Что бы после ни случилось,
Ты держать обязан слово.
На колу, коль отречешься,
Голове твоей торчать.

И дала ведунья паму
В спутники слугу Ваяси.
Долго шли они на север,
Как на лыжах,
на корытах —
Грязь ворчала под ногами,
Пузырями исходила,
Из глубин зловеще тлеи
Топи тусклые глаза.

Руки трав хватают пама,
Ряской лыжи оплетают,
Нету сил камыш раздвинуть...
Наконец привел Ваяси
Оша в край, где прячут горы
В облаках свои вершины
И плывет с ночного неба
Неземной холодный свет.

Но гостей не приглашают
В поселение вогулы,
Князь велел закрыть ворота.
У стены они остались,
Как бездомные собаки.
А на остром частоколе
Черепя висят людские,
Смотрят,
Скалясь,
С высоты.

Место есть на частоколе,
Где и твой повесить череп!..
Не смутить урозой Оша:
— Я женюсь, сдержу я
слово.

Разве голову от счастья,
Может быть, я потеряю..
Удивился князь и Оша
К чуму дочери ведет.

Входит Ош, откинув полог,—
Там сидит на мягких
шкурах
Дева — чудище лесное:
Руки — что паучьи лапы,
А лицо — как морда зверя.
Лишь глаза ее прекрасны,
Лишь глаза полны печали,
Горя черного полны.

Словно небо расколось
И обрушилось на Оша:
Или он богов прогневал
Тем, что думать смел

о счастье

И тоска терзала душу,
Как ягненка росомаха?!
Лучше гнить на частоколе,
Чем себя проклясть навек!

И услышал голос нежный:
— Ты меня, жених,

не бойся,

Облик мой не настоящий.
Сброшу чары колдовские,
Если ты меня полюбишь,
Снова девицею стану...
И в глазах ее светились
Страх, и горе, и любовь.

Сердце Оша содрогнулось,
Пред ее судьбою черной
И своя беда померкла.
Или с ним играют в жмурки
Боги, правящие жизнью?
Он покинуть чум не может,
Он от глаз ее раскосых
Взгляд не в силах отвести,

И не в силах горьким словом
На мольбу ее ответить:
— Пусть не знать мне женской
ласки,

Пусть друзья меня покинут,
Но не дам тебя в обиду
Хитрым йомам *

и колдуньям,
Злой старухе Танварпекве *.
Станешь ты моей женой!

Он приблизился к невесте
И рукою сильной обнял,
И она, внезапно вскрикнув,
На меха лицом упала.
А в горах взметнулись
вихри,
Бродит эхо по ущельям —

То хохочет Танварпеква,
Гонит йомов из пещер.

Князь велит готовить
свадьбу,
Привести оленей белых
И священный белый камень
Окропить их жаркой кровью.
Мать к огню ведет невесту:
Пусть огонь ее очистит
От заклятий Танварпеквы
И прогонит злую хворь.

Пир устроил князь на славу.
Снарядил он дочь в дорогу,
Сорок воинов скуластых
В лодках подняли подарки.
Долог путь — свиданье сладко:
Ош с Костэ домой вернулся,
Сладким медом и весельем
Встретил их родной увтыр.

3

Минул год. Тропой ночью
Шли две женщины сквозь
парму —
Пэвсин с посохом рогатым
И Костэ с малюткой сыном.
Шли они к горе священной,
Где, источенные ветром,
Камни серые похожи
На животных и людей.

Словно речка золотая,
Разлилась заря над пармой,
Дальних гор рукой
коснулась
И реку зажгла румянцем.
Пэвсин — старая ведунья —
Собрала росу в ладони,
Окропила ею внука
И Костэ омыла грудь.

И решил добыть охотник
От него огня кусочек.
Солнце он схватил руками
И обжег себе ладони,
И тотчас же вихри злые
Вниз к земле его швырнули.
Стал он падать...
Вдруг очнулся
В легких нартах золотых.

Мчит олень золоторогий
Нарты те над облаками,
Дева Зарынь ими правит:
— Люб ты мне,
Охотник дерзкий,
Потому тебя спасла я.
Солнцу-батюшке перечить
Даже я, заря, не смею,
Лют его небесный гнев.

На траву спустились нарты.
По цветам ступает Зарынь,
С ветерком играет в прятки,
Оленят ласкает робких.
Молвит сын зеленой пармы:
— Что тебе в краю

небесном?

Оставайся с нами, Зарынь,
И моей женою будь.

Небо вспыхнуло пожаром,
Как вороны, заметались
Ключья черных туч

над лесом,

Слышит Зарынь голос грома:
— Ты отца покинуть хочешь?
Гнев его узнает парма!
Пусть леса окоченеют,
Реки вымерзнут до дна!

И ушло, померкнув, солнце.
Вылез мрак из темных
щелей,
И простерлись над лесами
Ледяные руки стужи.
Но укрыла мать-парма
В чаще сына и невестку
И дала им кров и пищу,
От беды оберегала.

Так семь лет они прожили,
Семь сынов родила Зарынь.
Но, о дочери тоскуя,
В небеса вернулось
солнце —
И огнем вскипели реки,
Камни плавилась от жара.
И сказала мужу Зарынь:
— Я к отцу идти должна —

4

Словно уток перелетных
Стаи на воду упали —
Столько лодок остроносых
По Куве плывут к селенью.
Кудым-Ош кричит

пришельцам:

— Что за люди и откуда,
С миром к нам или войною?
И такую слышит речь:

— Там, где солнце
освещает
Голубые минареты —
Башни города большого,
Там народ живет могучий,
Мудрый хан землю правит.
Он прислал тебе подарки:
Детям — сладкие гостинцы,
Женам — шелк и серебро.

Сын совета не услышал,
Приказал открыть ворота.
Но не бросили монеты
У ворот тяжелых гости,
И товар не разложили
Перед памом Кудым-Ошем,
Не приветствуют
старейшин
И чудских богов не чтят.

Засвистели в каре * стрелы
С черным жестким
опереньем,
И одна из них пронзила
Молодое сердце Оша.
Он лицом упал на землю,
Он к ее груди прижался,
И земля зажала рану,
И ему вернула жизнь.

Искра жизни в нем
затлела,
И очнулся он от сна.

Как на пир спешат
вороны —
Лезут вороги на берег.
Обнял Ош валун руками,
На плечо взвалил больное
И поднял с последней
силой
Тот валун над головою,
И с горы тот камень
бросил
Прямо в скопище врагов.

До небес всплеснулись брызги,
Над рекой взревела буря,

Молвил Ош:
«Идите с миром.
Своему скажите хану:
Кто придет, .
Замыслив злое,
К нам, тот голову оставит,
Кто прибудет к нам
с товаром
Честный торг вести и мену,
Одарим того мехами
Черных лис и соболей».

5

В земли южные чудины
Провожают Кудым-Оша.
И Костэ с малюткой сыном
Перед идолом горбатым
Ставит жертвенный напиток.
Ош стрелу пустил в березу —
В самый центр стрела
вонзилась,
Предвещая добрый путь.

Новый месяц родился,
Подросли птенцы тетерки,
Желтый лист в кудрях
березы,
А чудины все в дороге.
Наконец приплыли
в город,
В устье Камы полноводной,

...Долго прожил Ош на свете,
Славных дел свершил немало,
А как смерть в глаза
взглянула,
Повелел в гробу кедровом
Положить себя в пещере:
— Буду спать я сколько надо,
А когда вам станет худо,
Позовите — я приду.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

**ТРИ СКАЗА
ПРО ПЕРУ-ОХОТНИКА**

ил Пера в давние года.
Глаза — что неба просини,
Огнем пылает борода,
Как лист рябины осенью.
Родимый дом ему — тайга.
Силен он был на диво,
Лосей упрямых за рога
В деревню приводил он,
К сосне прислонится — сосна,
Не скрипнув, рухнет наземь.
Была и силушка дана,
Был Пере дан и разум.
В краю пермяцком оттого
И чтут его в особицу,
Что был народа своего
Он силой, правдой,

совестью.

ПЕРА И ЛЕШИЙ

Зеленым мхом до пят зарос
 Пермязкий леший Висел,
 Собачьи уши,
 Птичий нос,
 Глазищи, как у рыси.
 Шагал он грозно по тайге,
 Сшибая кедры лапой,
 И путь переступал реке
 Его дырявый лапоть.
 А дом его на три угла
 Стоял за Кайским волоком,
 И в страхе парма вся жила,
 От горя выла волком.
 Подарки клали пермяки
 На пень ему покорно —
 Собачью печень,
 Пироги,

Яички птицы черной.
 Над ними тешился он всласть.
 Любил всего охотней
 Дороги путать, тропы красть.
 Чтоб заплутал охотник.
 Идешь в тайгу — знай наперед
 Народные заветы:
 Иль шапку — задом наперед,
 Полу — изнанкой к свету,
 Иль стельки так переложи,
 Чтоб в левом лапте — правая,
 И перестанешь ты кружить,
 К дороге выйдешь правильно.
 Но всюду Висел на пути,
 И злы проказы лешего:
 Угонит зверя — не найти,
 В капканы крыс навешает.
 А сколько он детей унес

К себе за волок Кайский!
Не от дождей, от горьких слез
Промок весь край Прикамский.

Был Пера молод. Налегке,
Колчан привесив к поясу,
Бродил по Вишере-реке,
По Каменному поясу.
Но коль беда в родном краю,
И Пере жить невесело,
И он ведет тропу свою
К владеньям злого Висела.
А вот и Кайский волок тот,
Мягка тропа — без кочек,
Но кто огонь здесь разведет,
Тот гибель сам себе найдет:
Лешак его прикончит.

Ты, леший, злобен и хитер,
 Но и у Перы глаз остер!
 Он на тропе раздул костер,
 Чайком себя потешил.
 Но дрогнул вдруг лесной простор,
 Спешит сквозь чащу леший.
 Идет, во весь поднявшись рост,
 К земле березы клонятся,
 Галчата выпали из гнезд,
 Зверье в логах хоронится.
 Идет — и нет его грозней:
 Ручищи — до коленей.
 А морда — словно бы на ней
 Копали мох олени.
 — За то, что здесь костер зажег,
 Пришел сюда, непрошен,
 Я посажу тебя в мешок
 И в черный омут брошу!

— Иди-ка ты, скажу добром,
Своей дорогой, Висел!
И Пера сохнуть над костром
Портянки поразвесил.
Лешак глядит через плечо,
С досады глаз скосил он:
— Давай с тобою, мужичок,
Померяемся силой.
— Как?
— А вот так: возьмем бревно,
Потянем друг у друга,
Кому достанется оно —
Тому и власть в округе!
Уселись так — глаза в глаза,
Взялись за кряж здоровый,
А Пера сзади привязал
Себя за пень кедровый.
Бревно рванул к себе лешак,

Как рвут из грядки репу,
Но крепок вязаный кушак,
И пень столетний крепок.
— С натуги лопнешь, старина,—
Охотник смех не прячет.—
Бессильна силушка одна,
Слепа, как зверь незрячий.

Лешак сопит, рычит, ревет,
Бревно со всею силой рвет.
Пень за охотником трещит,

Тугие рвутся жилы,
Земля вздувается, как щит,
Уж корни обнажило...
— Что там скрипит? — спросил
лешак.

Ответил Пера веско,
Что входит, мол, в него вот так
Земная сила — с треском.
— Во мне уж силушки вдвойне,
Пустяк — с тобой тягаться мне!
И струсил леший, и прокис:
— Бороться мне не хочется,

Не стану я творить проказ
 В лесах, где ты охотишься.
 И леший наломать хвои
 Побрел, лаптями шаркая.
 У Перы хлопоты свои —
 Нодью * наладить жаркую.
 — Я знаешь, как храплю во сне? —
 Пред Перой леший хвалится,—
 Повянут иглы на сосне,
 Листва с берез повалится!
 «Видать, не зря хитрит лешак,
 Недоброе замыслил он»,—
 Подумал Пера не спеша
 И так ответил Виселу:
 — Во сне я словно бы горю,
 Тебе признаюсь искренне,
 Пускаю дым в одну ноздрю,
 Другая пышет искрами.

Туман поднялся от земли,
И ночь спустилась вороном,
Спать на хвою они легли
Костра по обе стороны.
От храпа Висела трава
Повяла и посохла,
С деревьев сыплется листва,
От эха ночь оглохла.
Тихонько встал охотник наш,
Суровый и спокойный,
И приволок кедровый кряж
К своей лежанке хвойной.
Где изголовье — всю в дыму
Он головню подбросил,
Накрыл одеждой и во тьму
Ушел под кроны сосен.
И видит: серую копной
В ночи поднялся Висел

И с длинной пикою стальной
 К его постели вышел.
 Прокаркал: «Крепко спит мужик,
 Коль из-под шапки дым кружит!
 Богатырей пермяцких шесть
 Сразил я этой пикой,
 Еще один в запасе есть,
 И он сейчас не пикнет».
 И пика Висела, как гвоздь,
 Кедровый кряж прошла насквозь!
 И тут сказал из темноты
 Охотник, целясь в лешего:
 — Как старый хорь, коварен ты
 И глуп, как заяц бешеный.
 Ты будешь, Висел, первым,
 Кого прикончит Пера.
 Стрела упругая взвилась
 И в сердце Висела впилась!

И вздрогнул раненый лешак,
Взревел грознее грома.
Тайгу вдоль волока круша,
Помчался Висел к дому,
И выбил двери лапой,
И мертвым рухнул на пол.
А в том дому на три угла,
В бревенчатом подвале
Тюрьма для пленников была,
Где люди бедовали.
Их Пера спас. И дом — спалил.
А ветер пепел распылил.

ПЕРА И ЦАРЬ

Не вьюга серая метет
 Над зимней сонной пармой —
 На землю русскую идет
 Войною хан коварный,
 Везет с собой его орда
 Таковую колесницу,
 Что может рушить города
 И разбивать столицы.
 Отважно русские войска
 Сдержать пытаются врага,
 Но мчится колесница,
 Взметая белые снега,
 И к ней не подступиться,
 И давит воинов она,
 И степь грызет, как борона.
 А были в войске пермяки,
 И Мизя — воин первый,

Он с Лупьи, северной реки,
 Он младший брат у Перы.
 Он воеводе: «К нам сюда
 Позвать бы Перу-братца,
 Вот богатырь — не нам чета,
 Хоть и не любит драться.
 Но если парня рассердить —
 Он гору может своротить!»
 И воевода дал ему
 Коней гривастых черных,
 И мчит пермяк сквозь снег и тьму
 В карете золоченой.
 Вернулся Пера из тайги,
 А брат к нему: «Пришли враги,
 Земле ты русской помоги!»
 На Мизю Пера осерчал:
 — Живу своею волей!
 И чтобы брата раскачать,

Три пота Мизя пролил:
— Ведь царь своих богатырей
Сгноил в сырых острогах,
Простых людей ты пожалей!
Карета ждет — в дорогу!
Подумал Пера: «Не могу,
На лыжах лучше побегу,
Не мне в каретах париться,
Как сяду — так развалится!»
И раньше Мизи по снегам
Пришел в столицу дальнюю,
А там — и крик, и шум, и гам,
И руготье скандальное.
Куда деваться мужику
В столичной этой давке?
Он протолкался к кабаку
И сел в углу на лавку.
Спешит слуга — спина дугой,

Пред Перой чарку ставит.
— Да из посудинки такой
И кошка пить не станет!
Вина бочонок прикати,
Да щей мясных в достатке —
Промялся крепко я в пути,
Оголодал с устатку.
Бочонок Пера осушил
И щей котел собедал,
И, захмелев, поспать решил,
А где поспать — не ведал.
Подумал он, зевнул слегка,
Утер ладонью бороду
И лег в сугроб у кабака
Посередине города.
А рядом — выше крыши! —
Его стояли лыжи.
В столице бьют колокола,

И тянут ротозей
Свои носы из-за угла,
Во все глаза глаза:
— Ну, великан! Вот это да!
— А борода-то, борода!
— Взялось у нас откуда
Лесное это чудо?
А он храпит себе в усы —
Далекой пармы вольный сын.
Три дня в сугробе он проспал,
Не зная, что к столице
Все ближе враг подступал,
Мял села колесницей.
Нашел его родимый брат
По лыжам над оградой.
И воевода Пере рад,
И войско тоже радо.
Бери-ка, Пера, острый меч —

Нелегкой будет сеча.
Но меч не для таежных плеч,
Бревно б ему покрепче!

Сомкнулось войско — щит к щиту.
Несется колесница,
И треск, и грохот на версту,
И дымом снег клубится!
Она скрипит, она пыхтит,
Плюются сверху пушки,
А хан в чалме верхом сидит

На самой на макушке.
На Перу выползла рыча,
Его задела осью.
Качнулся он. Но проворчал:
— Комар так жалит осенью.
Управа есть на комаров:
Ладонью хлоп — и будь
здоров!
И он — бревном по колесу!
И вылетели спицы,
И захромала на весу
Злодейка-колесница.

А пушки бьют, а хан орет.
 Снега взметнулись тучею,
 И поползло опять вперед
 Чудовище скрипучее.
 И Перу так на этот раз
 Ударило по темени,
 Что искры брызнули из глаз,
 В глазах — круги и тени!
 А он ворчит: «У нас вот так
 Под осень жалят осы,
 Кто лезет в драку — на кулак
 И сам наткнется носом.
 Нам забияки не сродни.
 А ну-ка, братцы, подмогни!»
 Бревно просунул меж колес,
 Плечом уперся крепким,
 И колесница — под откос!
 И разлетелась в щепки!

Враги попрыгали в овраг,
Стопились, как бараны,
А из кустов, как белый флаг,
Торчит борода хана.
Мчит воевода на коне,
Трубить велит победу:
— Позвать охотника ко мне,
К царю я с ним поеду!
И воеводский рог запел,
И войско загудело,
И тут наш Пера оробел:
«Не так я что-то сделал?»
Сверкнули лапти — Перы нет,
Лишь на снегу широкий след.
С трудом его потом нашли,
К царю в палаты привели.
Царь перед Перою юлит,
Как пред медведем ласка,

Чайком попотчевать велит,
 Ведет беседу ласково:
 — Проси какую надо
 За подвиги награду!
 — Твою награду мне не есть,
 Куда она годится?
 Дай кочедык * мне — лапти плесть,
 Да сеть для ловли птицы.
 И вот царевы люди
 Дары несут на блюде.
 Не прячет Пера хохоток:
 Ему та сетка — как платок,
 А золотой кочедычок
 В его ладони, как стручок.
 — С тобой, величество, водить
 Дела, видать, непросто.
 Уж коли хочешь наградить,
 Так награждай по росту!

И царь от гнева стал шальной:
— Шутить ты смеешь надо мной?
Велю тебе, посконному,
Дать кочедык в сажень длиной
Из золота червонного
И сеть шелкову в три версты!
Теперь, мужик, доволен ты?..
А что охотнику теперь?
Дары за пазуху и — в двери!
До дому он бежал бегом
От суеты столичной.
А царским тем кочедыком
Он лапти плел отличные!

ПЕРА И ГРАФ СТРОГАНОВ

У графа лысина, как блин,
 Глаза — две черных щелки,
 Утиный нос, бородка — клин,
 Как две оладьи — щеки.
 Здесь все ему принадлежит —
 Деревья, люди, камни,
 Он свой жестокий суд вершит
 По всей земле Прикамья.
 У графа людям не житье —
 Пинки, кнуты, темницы,
 Он и во сне кричит: «Мое!» —
 Про все, что ни приснится.
 Прослышал он, что у реки
 У Лупьи за лесами
 Живут привольно пермяки,
 Собою правят сами.
 — Я их в бараний рог скручу,

Набью им соли в горло,
 Я к кандалам их приучу
 И грызть заставлю гору!
 Им вольной жизни не прощу
 И всех в холопов обращу!
 И он выходит на крыльцо,
 Рукой бородку трогает,
 Темнее туч его лицо,
 Шутить не любит Строганов!
 Два пистоleta на ремне,
 Две плетки держат руки,
 Велит: «Тащите-ка ко мне
 Всех кузнецов с округи!»
 И приказал такую цепь
 Сковать — длиннее Камы,
 Чтоб охватить леса и степь
 Со всеми пермяками.
 Под грозным взглядом старика

И камни оробели.
Вдохнули в кузницах меха,
И молоты запели.
А граф следит — глазищи злы,
Людей, как шилья, колют.
Куют для пармы кандалы,
Для пермяков — неволю.
У ковалей черней смолы
И бороды, и руки,
Куют для пармы кандалы,
Народу — зло и муки.
Куют, судьбу свою кляня,
Не зная сна, не видя дня,
Звучит в ночи чугунный звон,
Как похоронный долгий стон.
И вот уже в глуши тайги,
Где ветры спят лесные,
Деревья валят мужики —

Страдальцы крепостные.
 По спинам их плетью секут,
 И цепь — змею железную —
 Они со стоном волокут
 По просеке прорезанной,
 Через озера и ручьи
 Ее по парме тянут:
 Мол, были земли здесь ничьи,
 А нынче графа станут.
 Орет приказчик: «Как волков,
 Обложим в парме пермяков!»
 У вести злой недолог путь,
 И пермяки в смятении:
 Где от оков, от графских пут
 Найдут они спасение?
 И только Пера ничего
 Не ведает о деле,
 Сон на печи сморил его.

А он храпит неделями,
И не разбудишь мужика,
Не растрясешь до срока,
Сопит себе — к щеке рука,
Свистит ноздрей широкой.
Его и с печи сволокли,
Гудят соседи осами,
Кудель лохматую зажгли
И сунули под нос ему.
Он как чихнет — и окон нет,
И два бревна осели,
Упал на корточки сосед
И выкатился в сени.
А Пера молвит пермякам:
— Зачем будить по пустякам?
Приснился мне недобрый сон:
На просеке на дальней
Я слышал звон, железный звон,

Печальный звон кандалный.

— То правда,— молвят

пермяки.—

Нас от беды убереги.

Ведь с графом спорить — как

с царем,

У графа пушки, конница,

И все в неволе мы помрем,

И род пермяцкий кончится.

Ответил он:

— За край родной,

За вас тряхну я стариной,

Готовьте к встрече пиво.
И вот он с луком за спиной
Лесной шагает гривой.
Читает Пера без труда
Следов звериных строки,
Ему — как лебедю — вода
Таежные дороги.
И вот уж просека видна,
И песня горькая слышна.

Ночь, словно серая сова,
Зарю крылом смахнула,

Костерчик теплится едва,
 И просека уснула.
 Охотник мимо костерка
 Прошел неслышной тенью:
 А цепь, однако, нелегка,
 По пуду весят звенья,
 И, словно Камушка, длинна,
 Конца ей не отыщется,
 Вот так протянется она,
 Быть может, верст на тысячу.
 Рвал Пера цепь, ломал узлы —
 Ладони онемели,
 Что делать, в мире кандалы
 Всегда ковать умели.
 Но видит он за синей тьмой
 Родимый край в неволе,
 Глаза людей — как стон немой,
 Как сгустки черной боли,

Рекою горюшко течет
В пермяцкие деревни...
И налилось его плечо
Таежной силой гневной.
И цепь, как петлю, он рванул
И ею в воздухе стегнул!
Железный свист прорезал тьму,
Он был тяжел и страшен,
Он не одну разбил тюрьму,
Снес свечи царских башен,
Взметнулась вихрем эта цепь
Над графской белой спальнею
И, улетев за лес и степь,
Упала в море дальнее.
Взбесился граф, узнав о том,
Что с цепью сделал Пера,
Всех слуг своих избил кнутом
И был от гнева серый:

— Поймать мне Перу, заковать,
 Пытать, казнить, четвертовать!
 И снарядились в полчаса
 Две тыщи стражников в леса.
 В деревню Пере не зайти,
 Там графовы ищейки
 Закрыли тропы и пути,
 Во все залезли щелки.
 Зима. Все тайны на снегу.
 По Периному следу
 Две тыщи стражников в тайгу
 Идут, ползут и едут.
 Но пыл у графовых вояк
 Спадает понемногу:
 За Перой ринулись в овраг,
 А въехали в берлогу,
 Взревели белые снега,
 Поднялся зверь сутулый

И крепко им помял бока,
И поворочал скулы.
Но вот опять спешат они
За Перой вдоль его лыжни...
Устали стражники до слез,
За ним в тайге плутая:
Их топь глотает,
Жжет мороз,
Метели заметают.
Но вот охотник окружен,
Уйти ему не просто,
И на сосну забрался он,
Что выше тучи ростом.
По снегу стражники ползут,
Наставив пистолеты,
Сошлись под деревом внизу,
А где охотник?
Нету...

И так напрасно десять зим
 Гонялись стражники за ним.
 Когда об этом граф узнал,
 Он был уже при старости,
 Он от бессилья застонал
 И кончился от ярости.
 А Пера? Он опять в пути,
 Живет заботой новой,
 Ему за бороду трясти
 Придется водяного:
 Гоняет рыбу водяной
 И сети рвет на Каме...
 Но это сказ уже иной,
 А мы простимся с вами.
 Про все, что Пера совершил,
 Мы вам поведать рады бы,
 Он даже змея задушил
 На озере на Адовом.

Но примем вовремя совет:
Всему — предел и мера.
Крутых дорог и долгих лет
Тебе, охотник Перу!

Слова, помеченные звездочкой

В о г у л ы — устаревшее название народности манси.

Г о р о д з у л ь — купава.

И о м ы — злые лесные духи.

К а р — поселение, городище.

Н о д ь я — вид охотничьего костра.

П а м — жрец, вождь.

П а р м а — тайга.

Т а н в а р п е к в а — мансийское злое божество.

У в т ы р — род, племя.

Ч у д и н ы — народное название древних, обитавших в Прикамье племен. В фольклоре коми оно как бы отделяет более позднюю историю Перми Великой от далеких и загадочных, «чудных» времен.

Содержание

Предисловие (автор — кандидат филологических наук И. Зырянов)	5
СКАЗАНИЕ О КУДЫМ-ОШЕ	10
ПЕРА И ЛЕШИИ	62
ПЕРА И ЦАРЬ	74
ПЕРА И ГРАФ СТРОГАНОВ	86

**Литературно-художественное
издание**

Алексей Михайлович Домнин

**СКАЗАНИЯ
О КУДЫМ-ОШЕ
И ПЕРЕ-ОХОТНИКЕ**

**По мотивам
коми-пермяцких преданий**

**Зав. редакцией А. Лукашин
Редактор Н. Гашева
Художественный редактор
Т. Ключарева
Технический редактор
Г. Пантелеева
Корректоры
Л. Крамаренко,
Г. Черникова**

ИБ № 1968.

Сдано в набор 30.11.89. Подписано в
печать 26.04.90. Формат 70×84¹/₆₄.
Бум. мелованная. Гарнитура «Балти-
ка». Печать офсетная. Усл. печ. л. 1,77.
Усл. кр.-отт. 3,81. Уч.-изд. л. 2,543.
Тираж 5000 экз. Заказ № 744. Цена 5 р.

Пермское книжное издательство.
614000, г. Пермь, ул. К. Маркса, 30.
Ордена Трудового Красного Знамени
типография издательства «Звезда»,
г. Пермь, ул. Дружбы, 34.

Домнин А. М.

Д66 Сказания о Кудым-Оше и
Пере-охотнике: По мотивам ко-
ми-пермяцкого фольклора /Ху-
дож. В. Оньков.— Пермь: Кн.
изд-во, 1990.— 102 с.

ISBN 5-7625-0030-6

Д 4702010202—47 Без объявл.
М152(03)—90

ББК 82.3(2)

**Над книгой работали
полиграфисты:**

Наборщики К о б я к О. А.,
Н е ч а е в а В. М.
Ретушер Ф е д о р и щ е в С. В.
Печатники А й з а д у л о в Р. А.,
К а н д а к о в В. В.
Переплетчики К р е щ е н о в а С. В.,
П а н и н а Н. И.

